

ВЛАДИМИР ОРЛОВ

ПРОИСШЕСТВИЕ В
НИКОЛЬСКОМ
(СБОРНИК)

Владимир Орлов

**Происшествие в
Никольском (сборник)**

«ФТМ»

Орлов В. В.

Происшествие в Никольском (сборник) / В. В. Орлов — «ФТМ»,

«Происшествие в Никольском». Одно из первых произведений в творчестве Владимира Орлова. Это роман о судьбе еще совсем юной героини, о драме, произошедшей в ее жизни, о первых надеждах и разочарованиях. В сборник вошли также рассказы «Что-то зазвенело», «Трусаки» и «Субботники».

Содержание

Происшествие в Никольском	5
1	5
2	11
3	15
4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Владимир Викторович Орлов

Происшествие в Никольском (Сборник)

Происшествие в Никольском

1

Ох и скучно по утрам в Никольском. Ей-богу. Ну что за наказание такое – все в сотый, да и не в сотый даже, а в стотысячный раз. Словно слушаешь петую-перепетую песню и каждая буква в той песне тебе знакома, каждый звук, каждая интонация старательного певца, даже все его придыхания выучены наизусть. Вот проревел он в волнении: «Туча смешала землю с небом», – стало быть, дальше уж, конечно, с угрозой пропоет насчет серого неба и белого снега, а ты кричи, уши затыкай чем под руку попадется, но от этого гремящего серого неба, от неумолимого песенного порядка никуда не денешься, да и куда деваться? Вот хлопнула калитка у Монаховых, – значит, сейчас услышишь, как продавец гастрономического отдела пристанционного магазина пройдет шагов пять, остановится и крикнет жене трезвым металлическим своим баритоном: «Колбасы граммов четыреста купи, докторской, и масла...» – и точно, крикнул, и Монахова ответила: «Ладно», будто микрофон у рта держала, и разошлись супруги, довольные, успокоенные, подтвердившие еще раз честному народу, что не жулики они, не уголовные элементы, общества не разоряют, а покупают снесь в поселковом гастрономе. А за Монаховым по дымящейся, прожаренной уже пыли Дементьевы прошагают, отец и сыновья, молчаливые, несущие себя с достоинством получивших звание, выбритые до лаковой синевы с помощью безопасной бритвы и пенящегося крема «Флорена». Словно готовые еще раз фотографу столичной газеты у ворот завода швейных машин позировать для снимка «А без меня, а без меня здесь ничего бы не стояло...». Прошли. Вере кивнули. Валяйте, валяйте, спешите, ударники! А за ними, а за ними шалопай Корзухин пронесется, камнем засадит в чей-нибудь священный огород, так, безобидно, ради шутки, или собаку мирную соседскую подразнит диким голосом, а той уж будет огорчительно слышать этот дикий, издевательский голос, потому что и так, без Корзухина, жарко. «Ну ладно, проваливай, чего руки тянешь! – скажет Вера Корзухину грозно. – Дурной! Контуженный, что ли? Как только таких токарями держат! В армию хоть бы взяли...» Пробежал Корзухин, пробежал никольский битл, концы красной рубахи узлом связавший на голом втянутом животе; в распаренный, голову дерущий запахом краски автобус влезет, как всегда, первый, да еще и место, кому надо, займет. И повалит весь поселок Никольский на работу, на службу, на рынок, в магазины, в больницы, в районные конторы, мастерить швейные машинки и мотоколяски для инвалидов, исписывать бумаги красными и синими чернилами, торговать ранними огурцами из ухоженных парников, да мало ли занятий вытягивает по утрам деятельных людей из Никольского, пустошат поселок, заставляют никольских локтями работать в автобусной очереди, кряхтеть в резиновой машине, а потом, через три километра, спешить в электричку, а уж электрички, электрички по Курской, по тесной и веселой железной дороге, развезут, растрясут никольских кого куда – кого в Москву, кого в районную столицу, кого в Серпухов, кого на сумасшедшую станцию Столбовую, а кого и в пряничную Тулу.

Вот и повалил поселок Никольский.

А ей, Вере, спешить некуда, день отгульный, сиди на крыльце, подставляй смуглое уже свое лицо солнцу да поглядывай на утреннее никольское шествие.

Идут, идут, кто торопится, а кто нет, кто с черным интеллигентным и деловым портфелем, а кто с дерюжными мешками, с сумой переметной, старики в штопаных рубашках и пиджаках с заплатами, по давней никольской традиции привыкшие надевать на работу и в баню что похуже, а то попортишь или сопрут еще. Молодые, напротив, в отглаженном да в модном, длинные и здоровые, переросшие на голову приземистых своих родителей, не знавшие бомбжек и шей из лебеды, щеголи, по мнению своих мамаш, добро беречь не научившиеся. Идут, идут, а их дом, Навашиных, самый что ни на есть обыкновенный никольский дом, не раздражающий соседей никакими особыми достоинствами, самое что ни на есть заурядное подмосковное жилище, неискусный гибрид избы и дачи, стоит на главной поселковой улице, и, стало быть, утреннее шествие тянется перед Вериными глазами, и люди, шагающие к автобусу, успевают поглядеть на нее. А так как она своя, никольская, не дачница, выложившая сто пятьдесят целковых за лето, и вот сидит на крыльце с книжкой в руках, и ничего не делает, и никуда не спешит, это, естественно, моментально вызывает чувство досады или непонимания.

– Во, расселась, коленки выставила...

– Вера Алексеевна, не желаете двинуть с нами на Силикатную?

Это Астанин, шофер, возит цемент с Силикатной.

– Как же, – говорит Вера певуче и закрытой книжкой отгоняет муху, – потом пыль из меня выбивать веником, да?

Уж так ответила, по привычке, чтобы отстал и шел дальше, могла бы и поостроумнее что-либо сообразить, но лень попридержала язык, да и скучно.

И снова:

– Эй, Верка, ноги-то сгорят...

– Она подол обрезала напрочь...

– Привет, Верк! Гни свою линию, от этих-то уши отводи, а то вянуть начнут. Марья Ивановна с радостью паранджу бы надела...

– Пошли с нами. На Гривне нынче жакеты будут!

– И занятие-то себе нашла – не бей лежачего, да еще и сегодня загорает...

– Слабенькая! Ветер дунет – рассыплется!

– Валяйте, валяйте... Ну, еще чего?

Впрочем, слова летели в Верину сторону случайные и необидные, в Веру они не вцеплялись, а рассыпались в воздухе, и от них не надо было отмахиваться, как от обнаглевших июньских мух, не словленных еще липучей бумагой. Мужики и парни отпускали на ходу реплики скорее доброжелательные, им самим приятно было полюбезничать с навашинской девицей, такой смазливой и фигуристой не по летам. А женщины, даже если бы и пожелали Веру уязвить, хотя бы для того, чтобы досадить мужьям, сделать это все равно бы не решились, потому что шла в Никольском о Вере слава как о девке горластой и язвительной, к старшим не имеющей почтения, и связываться с ней – только давать повод ославить, осрамить себя на весь поселок. Да и чего цепляться к ней? Девка как девка, красивая, работающая, сегодня сидит – так завтра со всеми будет нестись к автобусу, а что коленки выставляет, так и их дочки нынче не прячут колен. Срамота, конечно, но...

Прошли.

Ну вот еще последние суматошные пробежали.

Вера вздохнула.

Скучно. Ох и скучно же...

И утро все тянется, жаркое, нестерпимое никольское утро.

И ничего в это утро в поселке не произойдет интересного, не может произойти, да и не происходило никогда. Вот днем или вечером в Никольском происшествия еще могут случаться. И случались же! Случались! В послеобеденные часы или еще лучше – в вечерние входит в жизнь поселка стихия. В новинку кое-что бывает, пусть не каждый день, но бывает, пусть

раз в двадцать дней, но бывает все же, вечером в Никольском есть на что поглядеть, есть что послушать. На худой конец включишь телевизор, может, станут разучивать «хоппель-поппель» или начнут многосерийный фильм.

Но до вечера-то – жизни год! А сейчас такая в Никольском скучища! Наказание, ей-богу, наказание!

А чего ей-то, дура, сидеть без дела и глазеть на утреннюю никольскую жизнь? И слушать эту жизнь? А вот сидит. И с места не двигается. В ней ведь, в этой жизни, не только появления ненаглядных соседей на пыльном, с травой у канавок главном Никольском проспекте расписаны, но и все запахи, рыбные, колбасные, картофельные и прочие, известны заранее, и все звуки, пусть даже самые пустяковые, словно бы записаны на магнитофонной ленте, и лента эта от старости уже потрескивает, да похрипывает, да похрюкивает, но и не рвется. Вот застучали у пруда молотки, поначалу застучали старательно, а потом растерялись, спотыкаться стали, застеснялись опасной своей старательности. Реставраторы – в пруд бы их водяными забрали! – к работе приступили, чтобы тут же заняться перекурами. Или на левые дела разбрестись. А церковь жалко – ничего, она времен Ивана Грозного или каких других времен, всего ведь не упомнишь, мало ли чем им в седьмом классе забивали голову. Стучат работнички, старые леса чинят, не спешат, не усовестились, хоть бы мелодию своим молоткам придумали посвежее, нет, все, как вчера, как и позавчера, как и всегда.

Но если молотки у пруда застучали, стало быть, кончилось утро и начался трудовой день.

А все равно веселее не стало. Скучно. И не скучно, а того хуже – тоскливо.

Хоть бы Сергей скорее вернулся. Уж больно долго длится его командировка. Ставит он теперь столбы высоковольтные в Тульской области, под городом Чекалином. И что это за Чекалин такой? Сергей писал: назван так город, бывший Лихвин, в честь пятнадцатилетнего паренька, то ли он немцев в войну убивал, то ли они его убили. И зачем этому городу Чекалину, бывшему Лихвину, держать Сергея? Столбов, что ли, в нем не хватает?

И хотя Вера знала точно, что Сергей вернется домой не позднее чем через три дня, а то и через два дня, она все же сидела теперь и ругала бессовестный город Чекалин, отнявший у нее Сергея, упрятавший его в свою неизвестную жизнь на месяц, на три месяца, на полгода, сколько там им еще жить в разлуке!

– Верка, козу-то не вывела... Все тебе загорать!

– Да сейчас. Ну что ты со своей козой пристала? Ничего с этой Дылдой не делается...

– Матери так отвечаешь...

– Ну сейчас, – проворчала Вера.

Но в дом и во двор, к козе, она все же сразу не пошла, потому что ей хотелось думать о Сергее, просто повторять про себя его имя, вспоминать, какой он, какие у него волосы и какие руки, вспоминать, как он ласкал ее и как говорил ей: «Здравствуйте пожалуйста. Извините, что пришел». Тяжкими видались Вере последние ночи, и ведь уставала за день, а сон не шел, не шел – и все тут, так хотелось ей, чтобы Сергей был рядом, лежал рядом, так соскучилось по нему ее сильное, не девичье уже тело. И уж без поводов, а просто так, для собственной радости она рассказывала знакомым и случайным собеседникам, что есть у нее парень, вроде как муж, только для себя и говорила, потому что в Никольском все, наверное, давно знали, что они с Сергеем живут, да и мать если и не знала, то уж догадывалась.

– Верка! У-у, змея шелапутная...

– Ну ладно! – буркнула Вера. – И так тоскливо, а ты пристала!

– Идешь ты или не идешь?

– Ну иду, иду! Отстань ты, ради бога!

Босиком, книгу положив на ступеньки крыльца, Вера по утоптанной дорожке между вишнями и папировкой проскочила на задний двор, где перед грядами в хлеву не в хлеву, в сарае не в сарае жила коза. Стадо в Никольском было скудное, коров дюжина, овцы да козы, вечное

мучение с пастухами, вытравило их время в Подмосковье, как извозчиков, а те, что появлялись иногда и слаживали с никольскими, оказывались вскоре людьми несерьезными и пьяницами. Вот и теперь никольский скот сиротел без пастуха, и Вере приходилось выгонять козу на зелень. Лет десять назад, как и многие никольские, и они, Навашины, имели корову. После решили обойтись козой. Свиней откармливать не любили, к козам же, как и к картофельным огородам, выделенным возле железной дороги, они, да и все никольские, привыкли с военных времен. С козами и возиться не надо было много, и молоко шло у них пусть с привкусом, но жирное, а потом можно было пошить из их шкур и душегрейки. Правда, в войну и после нее все держали по несколько коз, теперь же оставили по одной, рассчитывали на магазины.

– Ну, Дылда, вставай, – Вера схватила козу за рог, – пошли. И так уж поздно выходим...

Коза поднималась медленно, пошла за Верой нехотя, не имела желаний из тени хлева, пахнувшего пометом и сеном, плестись куда-то по жаре. На дворе она спугнула кур, и те хоть и лениво, но заорали, закудахтали, к Веринуму удовольствию, – мать, наверное, услышала их и успокоилась. Не Верино было дело выгонять козу, росли у них в доме хозяйки и помоложе – Надька и Сонька, но мать чувствовала, что Вера нацелилась нынче со своей подругой Ниной Власовой податься в Москву – деньги транжирить без толку или приключений искать, и уж мать со вчерашнего вечера придумывала Вере занятия, чтоб та намоталась по хозяйству и отсидела отгул дома. «Ну пусть, пусть себя потешит, – думала Вера без зла, – время у меня еще есть» – и легоньким прутиком подбадривала козу. Короткий сарафан свой Вера надела на голое тело, и не таким злым было для нее солнце, а уже когда набегал ветерок, совсем приятно становилось коже. Жаль только, что улицы вымерли и никто не мог оценить этот чудесный сарафан, сшитый ею самолично на прошлой неделе из дешевенького штапеля с белыми звенящими цветами на голубом поле, оценить и ее самое, и ее плечи, и ее ноги, и ее колени, выше которых подол сарафана был сантиметров на десять. От досады Вера стукнула козу прутом покрепче: давай поспешай, не глазей по сторонам.

У пруда было уже много подростков и ребятишек помельче, они плавали в темной воде, играли на траве в мяч и карты. На берегу валялись брошенные велосипеды, а в зеленой низинке за холмиком лежали сытые соседские козы.

– Верка! Иди мяч кидать!

– Да ну! – отмахнулась Вера. – Некогда.

Козу она привязала к колышку, вбитому в землю на совесть, колышек был их, навашинский, низина делилась невидимыми границами на зоны влияния никольских владельцев коз, длиной веревок хозяева каждый день обеспечивали своим животным свежую траву. Но Дылда к зелени интереса не проявила, она тут же залегла за кочкой и морду уткнула в землю.

– Лежи, лежи, – сказала Вера, – только к петуховской козе не суйся. И веревку не заматывай. А то будешь орать! За молоком Сонька придет. И воду принесет. Поняла?

Растянувшаяся на земле коза казалась еще внушительнее и длиннее. «Эка вымахала, дубина, лучше б молока давала побольше. Впрочем, что это я ее извожу? – подумала Вера. – Она ведь неплохая коза, губы мягкие и добрые, морду ее приятно гладить, и в глазах есть соображение».

– Ну, если поняла, – сказала Вера, – то хорошо. Насчет веревки помни, Дылда.

Мать могла бы уже и отойти, время Вера ей дала, – так нет, все еще нервничала.

– Я тебе поеду!

– А то не поеду! – рассмеялась Вера.

– Выростила себе на голову. Во кобыла какая! Я ж тебе мать!

– У меня выходной, могу я им распоряжаться или нет?

– Дома дел, что ли, нет? Деньги только на ветер... Я в твои годы каждую копейку считала.

– Может, они у вас дороже были!

– Пожила бы ты в наше время...

– Я-то в любое время проживу!

– На какую-нибудь пустую дрянь выкинешь!

– Это мое дело. Деньги сама заработала!

– Вот как? Деньги, значит, только твои? А я тебе не мать? И девчонки с голоду подыхать должны?..

– Кто это с голоду подыхает? – рассердилась Вера.

– Замолчи!

– Нет, кто это с голоду подыхать будет?

– Только о себе и думаешь, о матери не думаешь! Ты мне жизнью обязана... В отца пошла, в беспутного!.. Я всю кровушку, все соки из себя выжала, чтобы на ноги поднять ее, чтобы одеть, накормить, – и вот тебе благодарность в старости... В отца пошла, господи...

– В какой такой старости? Что ты приbedняешься? В старости! В сорок шесть лет – в старости!..

Вера была сердита, не жалкие слова о том, что она кому-то чем-то обязана, ну хотя бы и жизнью, хотя бы и здоровьем, и красотой своей, не эти слова разозлили ее, нет, а вот деньгами-то зачем попрекать, будто она бессовестно вытягивает их из черной семейной шкатулки, будто не гробит себя, когда ее сверстницы все еще развлекаются в школах, или она такая маленькая, что не имеет права на самостоятельность?

– Знаешь что?.. – почти закричала Вера, но сдержалась. – У меня времени нет на всякие разговоры.

Повернулась резко, пошла в свою комнату, переодевалась с шумом, гремела лезшими под руку вещами так, чтобы мать слышала и чувствовала, как серьезна и грозна ее дочь. «У всех матери как матери, а мне повезло!» Настроение у Веры испортилось вконец, и теперь никольское утро представлялось ей не только тоскливым, но и жутким, и жить не хотелось, одна надежда оставалась на возвращение Сергея. «Вот уйду, вот уйду я к нему, – повторяла Вера, напяливая туфли, – вот уйду навсегда», хотя и знала, что никуда не уйдет, уйти не сможет, потому что ни один загс их с Сергеем не распишет.

– Эх, жизнь!

Одетая, принаряженная для московской публики, для московской толпы, для кипящих, счастливых магазинов, черную сумочку подхватив, губу нижнюю поджав, хотела пройти мимо матери, гордая и самостоятельная, матери не заметить, бровью накрашенной не повести.

Нет, взглянула на нее, малодушная.

И встала.

– Начинается! Нет, ну что я тебе сделала такого, ну скажи, ну чем я тебя обидела?

Сумочку быстро положила на стол, бросилась к матери. Но не обняла ее, не прижала к себе, слов никаких не сказала горячих, а остановилась в шаге от матери, потому что мать сделала брезгливое движение, будто прикосновения дочери вытерпеть сейчас она не могла.

Мать была Вере ниже плеча, плакала рядом, сжавшаяся вся, груди-то у нее совсем нет, подумала Вера, высохла, совсем старушка, жалкая, простоволосая, несчастная. А она стояла рядом, разодетая, спелая да ухоженная, и так ей стало горько и стыдно, и такую любовь она ощутила к матери, что кинулась к ней, сжала ее, волосы принялась гладить. «Ну не надо, мамочка, родная, ну не надо, ну прости меня, ну успокойся, все хорошо будет, вот увидишь, вот увидишь...» Она повторяла эти слова, обещала хорошее впереди и сама не знала, что хорошее, то ли то, что своей поездкой в Москву она мать не огорчит, то ли то, что вообще в жизни их семьи настанут счастливые времена, спокойные и веселые, настанут скоро, и, может, даже отец их вернется с Дальнего Востока, блудный отец явится с повинной.

– Не плачь, ну не надо, садись сюда, успокойся!.. Не поеду я, никуда не поеду. Ни в какую Москву не поеду! Вот сейчас переоденусь и Нине скажу, что не поеду...

И долго она так говорила, себя ругала за черствость и эгоизм, даже матери стало жалко ее, она принялась успокаивать Веру, называла сиротинушкой, вытирала слезы ее и, забыв прежние свои слова, советовала ей в Москву ехать сегодня же, а то Нина, наверное, ждет.

– Никуда я не поеду, – говорила Вера. – Зачем?..

Минут пятнадцать, а то и больше стояли они, успокаивая друг друга, жалея друг друга, мать говорила: «Иди, иди, Нина уж, верно, ждет тебя», а Вера твердила: «И не уговаривай, никуда я не поеду, не хочу я никуда ехать...»

И все же через полчаса, когда краснота сошла с лица и никому в автобусе и в голову не могло прийти, что эта рослая красивая девица недавно плакала, Вера уже ехала к станции и против желания прикидывала, на какую электричку она успеет, львовскую или серпуховскую, и сколько ждет ее рассердившаяся, наверное, Нина; впрочем, эти мелкие соображения казались ей кошунственными, и она отгоняла их и все повторяла себе, что в Москву она поехала только из-за матери, купит ей там что-нибудь ценное, купит непременно, все деньги истратит до копейки, себе на мороженое не оставит, ей перед матерью на коленях стоять, а она ей слезы приносит...

2

По платформе от скамейки к скамейке катался на велосипеде Колокольников.

Нины не было видно.

Львовская электричка прошла, а серпуховская должна была появиться через двадцать семь минут.

Ожидающих поезд было мало, и все они хоронились от солнца в тени болезненных пристанционных лип. Вера хоть и вспотела в автобусе, в сквер не пошла, она была жадной до солнца. Колокольников все катался по платформе, дурашливый все-таки малый, подумала Вера, хотя и красивый. Он бы сюда мог заехать и на грузовике, вон как веселится, вокруг всех столбов норовит объехать и объезжает их, виртуоз фигурного катания по асфальту, только перед кем старается, неизвестно. Нину Вера теперь ругала, называла ее беззаботной и готова была ее проучить за опоздание. Впрочем, может быть, Нина уже появлялась на станции, да ждать ей надоело, вот она и ушла домой или, того хлеще, уехала одна в Москву...

– Отстань ты от меня, змей подколотый, не дави мешок! Помоложе, что ль, нет, с кем играть... – взывала жалостливо бабка Творогова, пенсионерка шестидесяти шести лет, Первомайская улица, четырнадцать, или просто Творожиха, в любое время года снабжающая московских, подольских, чеховских и серпуховских жителей сырыми и калеными семечками, взывала, сидя на соседней скамейке, потому что Колокольников передним колесом попытался отодвинуть от ног бабки серый тугой мешок.

– Мотобол, знаешь, бабка, такая игра есть, – засмеялся Колокольников, – и еще пионербол...

– Васенька, мы же свои, никольские, я же старая, беспомощная...

– До чего ж ты, бабка, занудливая! – рассердился Колокольников и покатил дальше.

Скамейки и столбы он объезжал быстро и ловко, и Вера знала: если раньше он выказывал себя неизвестно перед кем, то теперь старается ради нее.

– Вась, – сказала лениво Вера, – подружки моей тут не было?

– Не видал, – бросил на ходу Колокольников.

– Верочка, внученька, ты тоже, что ль, куда едешь? – сиропным голосом обратилась к ней Творожиха, и глаза у нее засветились счастьем. – Какая ты вся красивая да сдобная! Мать-то твоя счастливая – такую кралю высидела! Ты уж этому извергу на велосипеде скажи, чтоб не шалил, а?

– Не задавит, – сказала Вера, – это он так, шутит он.

– Шутит, шутит! – закивала бабка, будто бы обрадовавшись тому, что Колокольников с ней просто шутит.

Творожиху Вера не любила, приторные ее слова и заискивающие взгляды терпела с трудом и в другой день с удовольствием бы помогла Колокольникову поиздеваться над этой семечной предпринимательницей, что-нибудь выкинула бы озорное да ехидное, но нынче, после слов матери, после холодных и горючих ее слез, Вера, казалось ей, несла в себе чувство вины перед всеми старшими, она любила их, потому что мать была одной из них, и даже бабку Творогову она сейчас жалела.

– Ишь как гонит! – снова заволновалась бабка. – Ишь как! Прямо на меня! Прямо на мешки!

– Не задавит, – мирно сказала Вера.

И точно, не задавил, притормозив, замер у скамейки.

– Катаешься? – улыбнулась Вера.

– Ага, катаюсь, – сказал Колокольников.

– Делать, что ль, нечего?

- Нечего, – сказал Колокольников.
- Лучше бы стакан водички привез. Жарко!
- Еще ничего не желаешь?
- Съезди, будь человеком.
- Ну ладно, уговорила.

Небрежно, руки то и дело снимая с голубого руля, покатыл Колокольников по платформе, а потом по лоснящимся шпалам и по красноватой земле, перебрался через две московско-курских колеи и прямо на велосипеде, тонком да хрупком, казалось прогибающемся под его тяжелым, жилистым телом, прямо на легкой своей машине въехал в вокзальную дверь, а там уж, наверное, отправился к буфету.

– Ну и здоров, ну и ловок вымахал! – с радостью заговорила Творожиха, пересевшая со своими семечками на Верину скамейку. Радовалась она то ли вправду тому, что Колокольников, никольский житель, вымахал таким здоровым, то ли тому, что он уехал и не мог уже безобразничать с ее мешками.

А Колокольников, живший от Веры через три улицы, и верно, за последние годы сделался парнем необыкновенно сильным и рослым, образцовым покупателем магазина «Богатырь», расположенного у платформы Ржевская, за Крестовским мостом. Среди молодой поросли поселка Никольского, рождения конца сороковых годов и начала пятидесятих годов, по рассказам родителей несытых, Василий Колокольников считался фигурой заметной, и не потому, что в нем обнаружились особые таланты или интерес к наукам, – чего не было, того не было, – выделялся он именно своей силой, широченными плечами и бицепсами. Сила и создавала ему авторитет, и, хотя он редко применял ее, потому что был человеком добродушным, поселковые парни ее признали и хороводились вокруг Колокольникова. В атаманы Колокольников не рвался, но положение свое среди поселковой ребятни принимал, а потому и подражал сильным людям, вызывавшим его уважение. Поначалу повторял ягуарью походку Юла Бринера, кольты и смит-вессоны, казалось, торчали и покачивались за его широким великолепным ремнем, дядиным, армейским, но почти что ковбойским. А потом, через полгода, Колокольников окончательно влюбился в стокилограммового Рагулина, аж стонал, когда на чемпионате мира его кумир грудью принимал несущихся к нашим воротам на губительной скорости раззадоренных канадцев и шведов и только улыбался, а рискованные парни в белых шлемах разбивались о его богатырскую грудь, падали кто на лед, а кто на борт с упоительным для Колокольникова треском. Колокольников тоже играл в хоккей и тоже в защите, старался получить у приятелей прозвище «Рагулин» и получил, ковбойская походка была забыта, ходил он теперь «как Рагулин», с небрежным и вроде бы ленивым выражением лица, плечи расправив, грудь намеренно выпятив и руки прямыми опустив к бедрам. Тонкими чертами лица он не был похож на флегматичного армейского гиганта, но обещал догнать его статью. Впрочем, Колокольников уважал еще и Старшинова и во время игр ремешок шлема по-старшиновски поднимал на подбородок, под нижнюю губу.

- Вот бы тебе его женихом, – расплылась в счастливой улыбке Творожиха.
- Каким еще женихом? – сказала Вера настороженно.
- И ладный, и здоровый, в техникуме учится...
- Нужен мне такой жених!
- И свой ведь, на стороне-то еще неизвестно кого найдешь...
- Ну ладно, бабка, не суйся не в свое дело, – резко сказала Вера.

Вера вспомнила, что эта приторная Творожиха приходится Колокольникову дальней родственницей, неизвестно какой степени юродной, пятой водой на киселе, но родственницей, вовсе не способна была старуха на самостоятельные суждения и наверняка высказала сейчас отголосок слышанного в семье Колокольникова. Кроме того, она уж конечно, как и все никольские сплетницы, знала о ее, Веринин, любви с Сергеем, и потому нынешние слова бабки иначе

как наглými назвать было нельзя. Вера и хотела поставить Творожиху на место, но тут открылась обитая рыжим дерматином вокзальная дверь и Колокольников выехал на размятый солнцем асфальт перрона. Левая его рука по-хозяйски держала руль, правая же самоуверенно, но и не без изящества несла полную кружку пива. Пена колыхалась, вываливалась мягкими кусками, таяла на асфальте.

– Разбавленное, – сказала Творожиха.

– Ох и надоела ты! – рассердилась Вера. – Сиди да помалкивай!

Старуха обиделась, отодвинулась даже, принялась ворчать, громко, но невнятно, и все же Вера смогла разобрать шипящие бабкины слова: «...шляется с голыми ногами, до грешного места задралась, тьфу, срамотища какая...»

– Сейчас ты у меня договоришься! – грозно пообещала Вера.

Замолкла Творожиха, негодующее шипение ее разом оборвалось, будто регулятор в радиоле остановил стертую корундовую иглу: знала ушла никольская жительница, с кем следует связываться, а с кем нет. И все же не удержалась с разгону и, сама уже того не желая, пробормотала напоследок:

– Крапивой бы по этим местам...

И тут же испуганно заерзала на лавке, кончики черного вечного платка затеребила в ожидании кары, но, на ее счастье, подъехал Колокольников, привез кружку пива.

– Ну ладно, – сказала Вера Творожихе, принимая кружку, – мы к этому вопросу еще вернемся.

Пиво было теплое, разбавленное, кисловатое, не принесло облегчения.

– Верочка, внученька, – взмолилась Творожиха, – оставь глоточек.

– На, держи, – протянула ей кружку Вера.

– Пей, бабка, – сказал Колокольников, – но учти: пиво – опиум для народа.

– Спасибо, Вась. – Вера достала кошелек. – Сколько я тебе должна? Двадцать четыре копейки, что ли?

– Убери, – обиделся Колокольников. – Ты меня за человека не считаешь, да?

– Васенька, я молчу.

– Вот ведь люди пошли, – вздохнул Колокольников, – все на копейки мерят. А можно ли любовь копейками оценить?

– Чтой-то любовь у тебя такая кислая да жидкая?

– Какая-никакая, – сказал Колокольников.

– И за нее спасибо.

– Вечером к нам придешь?

Вечером дома у Колокольникова, отец и мать которого гостили у родственников в Люберцах, собирались Верины знакомые отметить день рождения бывшего ее соученика по никольской школе Лешеньки Турчкова.

– Не знаю, – сказала Вера. – Подумаем. Нет, мы, наверное, не успеем с Ниной вернуться.

– И Нина не вернется? – озаботился Колокольников.

– Ее, что ль, сейчас ждешь? – улыбнулась Вера.

– Ну ладно, – быстро сказал Колокольников, – кружку-то мне надо отвезти.

– А говоришь – любовь! – крикнула ему вдогонку Вера.

– Клянусь тебе – любовь! – подтвердил громко и торжественно Колокольников.

– Вася никогда не врет, – сказала Творожиха, – я его еще вот таким мальчиком помню...

– Помолчи. А когда электричка придет, садись в другой вагон. Поняла?

Творожиха, вздохнув, отодвинулась и драгоценный мешок притянула к себе.

– Слушай, Вер, приходите, а? – Колокольников стоял уже напротив, у вокзальной двери и просил Веру всерьез.

– Не успеем мы вернуться, Вась. Еще подарок надо искать, мороки-то...

– Вы без подарков! На кой черт ему подарки!

– Как же без подарков-то! – сказала Вера. – Нельзя.

«Ну, если без подарка, – подумала она, – тогда, может, еще и заглянем...» Тут и явилась Верина подруга Нина Власова, голову не повернув, прошагала к вокзальной двери, никого не замечая, но так, чтобы все ее заметили, прошагала летящей деловой походкой, рожденной любовью к полонезу и джайву, – года три Нина всерьез занималась в районной студии бального танца. Была она, как всегда, красивая, тонкая, с чуть полными икрами – они ее, впрочем, не портили, хотя и мешали носить высокие сапоги.

Минуты через две она уже подходила к Вере, молча шел за ней Колокольников, вел за собой велосипед, как ковбой присмирившего мустанга.

– Совесть у тебя есть? – спросила Вера.

– А что? – удивилась Нина.

– На какую электричку мы договорились?

– А разве не на эту?

– Может, на вечернюю?

– Нет, правда? Не на эту? Ну извини. Ну не сердись.

– Придете сегодня? – спросил Колокольников. – Нина Олеговна, я на вас очень надеюсь.

– Вряд ли мы придем, – сказала Вера.

– А что, у вас ко мне особый интерес? – спросила Нина.

– Ну, так... – смутился Колокольников.

– У тебя вроде на Силикатной интерес есть, а?

– В общем – как хотите, – нахмурился Колокольников и оседлал велосипед.

– У тебя, говорят, скоро там дети появятся, – сказала ему вдогонку Нина, сказала громко и внятно, чтобы ее слова разобрали и Колокольников, и притихшая Творожиха.

Во время разговора с Колокольниковым Нина стояла не просто так, а приняв позу, приобретенную все в той же студии бального танца: ноги чуть-чуть расставив, проявив крепкое бедро, – а худое Нинино лицо с чуть широким книзу носом, но все же не утиным, выражения своего не меняло, застыло как бы, в глазах Нининых чувств никаких не проявлялось, лишь ее длинные синие ресницы поднимались иногда, чтобы выказать удивление. Говорила Нина сейчас непривычно для местных жителей: старательно, четко, с идеальным московским произношением. Да и во всем ее облике, отполированном, обточенном, было нечто не здешнее, не никольское.

– Вечно ты меня подводишь, – сказала Вера.

Серым пятном на сверкающей стальной дороге в дальней серпуховской стороне возникла наконец электричка, разрослась, распухла, отодвинула от края платформы суетливых людей и уж затем остановилась на минуту, распахнула перед Ниной и Верой тугие двери.

3

На станции Царицыно, знаменитой своей крышей и четырехгранными, крашенными в белое фонарями каренинских времен, дверь распахнулась снова, и никольские подруги были вынуждены выпрыгивать на перрон, спасаясь от контролеров. Контролеры бежать за ними не собирались, только слова какие-то укоризненные говорили. Вера с Ниной остановились. Вера молчала, а Нина – высказывалась и показывала службистам язык, а потом и пальцем повертела возле виска. Уходящей электричке и контролерам она помахала изящной, наманикюренной ручкой, но те-то уехали в Москву, а они вдвоем остались в Царицыне.

– Опять из-за тебя, – сказала Вера.

– Отчего ж из-за меня?

– Смотреть надо было, а не этому старику глазки строить.

– Сразу вдруг и старику!

Действительно, было дело, без всякой корысти и перспектив, а просто так, из уважения к себе и чтоб в дороге было не скучно, быстрыми взглядами Нина ответила на нескрываемый к ней интерес сидевшего напротив лысоватого джентльмена с московской, видимо, пропиской. Джентльмен был и вправду стар и нехорош, с рыхлым, бабьим лицом, и Нине он не понравился, хотя она и оценила его манеры и ладно сшитый костюм. Но теперь, после Вериного замечания, Нина обиделась за «своего» старика и готова была защищать его. Появление контролеров она действительно просмотрела, как, впрочем, просмотрела и Вера, и перебегать в соседний вагон было уже поздно. Контролеры попались плохие, предпенсионного возраста, обаяние юности не произвело на них никакого впечатления.

И это был редкий случай, потому что обычно контролеры отпускали их с миром или же позволяли убежать, а чаще просто делали вид, что не заметили двух смазливых «студенток». Билетов Нина и Вера не брали никогда, как они считали, из принципа, а вовсе не из желания обворовать государство. В детстве привыкли экономить на мороженое – впрочем, и сейчас отдавать рубль шесть копеек за билет в два конца было бы досадно.

– Фу-ты, жарко, – сказала Вера.

– Скупнемся, что ли?

В Царицыне они полагали выйти на обратной дороге, сунули на всякий случай в сумки купальники, но теперь до того расплавила, разморила их утренняя жара, что оставалось только поблагодарить контролеров и вытоптаннами в короткой, словно бы подстриженной, траве дорожками отправиться к прудам.

Берег, пологий, узкий, спускался от полотна железной дороги к темной, взбаламученной воде и, как ялтинский пляж, был усыпан коричневыми ленивыми и энергичными людьми. Раздевалок здесь так и не поставили; и теперь Нине и Вере надо было искать не общипанные пока кусты.

– Пригнись, пригнись же, дурочка, – зашептала испуганно Нина, – вот с этой стороны ветки жидкие, вон те сейчас на нас обернутся...

– Да пусть смотрят, что они, баб, что ли, не видели? – сказала Вера. – А мне с ними на собраниях не сидеть.

– Ты уж готова, ловкая какая, а я в этом своем японском застряла, прикрой меня, а?

– Давай быстрее, – засмеялась Вера и легонько, но со звуком шлепнула подругу по голой спине.

– Вот глупая, что ты делаешь? – затараторила Нина, пригнулась, сжалась вся, платье, как рыцарский щит, прижала к себе.

Через минуту Нина королевой пляжа в японском купальнике, приобретенном по случаю, пусть и с переплатой, по царицынской мягкой траве, как на помосте показа мод, двигалась к

пруду, а потом и в нагретой воде, чуть разбрызгивая ее босыми ногами, продолжала свой путь вдоль берега, романтическая неземная особа, бегущая по волнам, ноги ее ступали неспешно и с грацией, худенькие плечи были развернуты, а голова на трепетной шее откинута назад. Вера шла шагах в пяти позади подруги, не отставала, но и не спешила, к Нининой бальной походке она привыкла, относилась к ней с иронией и снисходительностью взрослого человека, приученною житейскими заботами к практической простоте во всем, но в то же время и завидовала Нине, и, сама того не желая, подражала. И сейчас она шла и смотрела на подругу, знала, что в воду они полезут не сразу, а пройдутся еще по берегу – и других посмотрят, и себя покажут.

Хождения по царицынскому берегу подругам нравились, зрителей в жаркие дни набиралось много, и все они видели двух ловких, красивых девиц, и не каких-то никольских провинциальных растерях, а московских, чуть надменных, умеющих вести себя с достоинством, готовых в случае нужды пресечь ухмылки и приставания. Впрочем, даже если и слышали они лошадиные восторги в свой адрес или грубые предложения познакомиться, в ответ слов не тратили, а выразительными движениями губ и бровей давали понять, что они выше пляжной пошлости. Про себя при этом отмечали не без удовольствия: «Дураки, конечно, грубияны, а нас заметили, вкус имеют, значит, не конченные люди».

Но сегодня Вера не намеревалась тратить много времени на купание, о чем сказала подруге и, не выслушав ее возражений, пошла в воду. На зиму воду в пруду спускали, а теперь заполнили яму не до краев – к глубокому месту пришлось шагать долго. Вода была темная, теплая, пахла водорослями. Вера поплыла осторожно, чтобы не замочить лицо и волосы, полагаясь, будто по-иному не умела, старалась не делать брызг.

– Нинка! Ну чего ты там жарись?

Через минуту Нина уже плыла рядом, и удивительные синие ресницы ее изображали недоумение.

– Чего ты вдруг сорвалась? Ну не брызгай, не брызгай!

– Я и не брызгаю, отстань, плавай от меня подальше.

– Нет, обязательно надо спешить.

– Спешить, спешить! Ты хоть чувствуешь, как здесь здорово!

– Здорово, Верк, здорово! Вода прелесть какая, я помолодела на десять лет!

– А не на пятнадцать?

– Верочка, а вот почему, когда я плаваю, я думать ни о чем не могу?

– Отстань ты со своими глупостями. И не фыркай!

– Давай останемся, а? Не поедem в Москву? А?

Плавали подруги не напрягаясь, на одном месте, недалеко от берега, лицом к нему, так, чтобы все происходившее на земле заметить и в случае, если бы кто-нибудь заинтересовался их вещами, успеть выскочить из воды. По правде сказать, надо было им разделиться и купаться по очереди, но нынче они приглядели пожилую семейную пару, вызывавшую доверие, и попросили последить за их платьями, туфлями и сумочками. Какая была вода, жизнь делала сносной. «Счастливики, – думала Вера, – рождаются и живут у моря, вот скоплю денег и в августе вырвусь на юг, в Крым или под Сочи, завтра же сяду за пляжные платья и сарафаны, чтобы в сверкающем, безалаберном краю Никольское не опозорить». Но тут Вера вспомнила о матери.

– Вылезай. Поехали. Совесть надо знать.

В электричке они сидели молча и были сердиты, а жара плавил вагон.

– Таким манером только к вечеру и доедем, – сказала Вера.

– Что ты на меня шипишь, что ты злишься?

– Ничего, – сказала Вера резко. Потом смиростивилась: – Это я на себя злюсь. По одной причине.

Уже узкая и тихая Москва-река осталась позади, и пролетели гремящие, забытые составами пути люблинской сортировочной горки, и явились под окна белые и желтые дома Тек-

стильщиков, и раскаленная, с пеклом коричневых корпусов «Серпа и молота», вставших у железной дороги, приняла электричку Застава Ильича.

– Времени-то не так уж много, – сказала Нина, но уже миролюбиво, – а там, на пляже, один парень, студент, рыжеватый такой, развитой, как культурист...

– Ну и что парень?

– Очень недурной парень, москвич, царицынские-то – они все теперь москвичи...

– Ну хорошо, ну москвич...

– Ну и ничего, – обиделась Нина. Потом сказала: – Уж совсем было мы с ним познакомились в прошлый раз. «Давно, говорит, я вами люблюсь». Мной... И тобой тоже.

– Невидаль какая. Где сходить-то будем – на Курской или на Каланчевке?

– На Курской. Там «Людмила» рядом. А на Каланчевке одни овощные ларьки.

На серой горбатой Курской площади, урезанной, ужатой ремонтными работами, была толчея, была давка, извинения и ругательства, плотное, утрамбованное движение народа во встречных потоках, тишайших, а потому и утомительных и для нетерпеливых москвичей, опаздывающих куда-то, и для транзитных людей, едущих в солнечные, фруктовые и виноградные края, измученных кассовыми хлопотами, столичными ритмами и звуками. А на берегах потоков было спокойствие, была работа, справа у забора стояли десятки южных людей в кепках-аэродромах, весельчаки и оптимисты, они зазывали кавалеров приобрести для своих красивых женщин кавказские пахучие розы. На другом берегу теснились такси, и хитроумные водители молча, но уж внимательно и по-хозяйски, горными орлами, высматривали подходящих клиентов, попростодушнее и попровинциальнее. Подруги наши были в московской толпе своими, действовали локтями и языком, энергично и быстро пересекли оба потока без ущерба для платьев и сумок. Идти им надо было влево, к большому дому, белому с зеленым, где и находился неплохой, с их точки зрения, магазин «Людмила».

– Этот дом кооперативный, – сказала Нина, – тут живут с телевидения, дикторы всякие, вот тот, который волосы нарастил, знаешь, и женщины...

– Ты уж мне рассказывала.

– Деньги у людей есть, – вздохнула Нина, не осуждая хозяев кооперативных квартир, а с сочувствием к самой себе.

– Девушки, здравствуйте, – сказал проходивший мимо модный молодой человек и, как показалось Вере, поклонился ей.

– Здравствуйтесь, здравствуйтесь, – ответили подруги.

– Это он кому? – шепотом спросила Нина, а сама как бы невзначай глаза скосила на молодого человека. – Мне или тебе?

– Тебе, наверно.

– Да нет, тебе. Знакомый твой? Вера, познакомь.

– Первый раз вижу. Это он на тебя глядел...

– Нет, на тебя, – расстроилась Нина. – На тебя все всегда в первую очередь внимание обращают...

Это было правдой, и Вера знала, что так оно и есть. Всегда, если они были с Ниной на людях, внимание парней, а уж пожилых мужчин тем более, привлекала она, Вера. Она это чувствовала, и Нина это чувствовала. Разумных объяснений этому Вера подыскать не могла, на Нину, с ее точки зрения, каждый прохожий должен был бы смотреть с восхищением – такая она вся ухоженная, стильная и ритмичная. Однако Нину по справедливости оценивали не сразу и не все, а она, Вера Алексеевна Навашина, вызывала тут же восклицательные знаки. «Яркая ты больно, – объясняла Нина, – у меня одни кости, а ты вон какая». И жестами показывала какая.

– А чего в «Людмиле» будем покупать?

– Ничего, – сказала Нина. – Зайдем просто так, для разгону. Кто же в первом магазине что-нибудь покупает?

Действительно, в «Людмиле» ничего они не купили, хотя там и было кое-что, и красивое, и фирменное, и недорогое. Позже они, естественно, жалели, что не купили ничего в «Людмиле», но сейчас выходили из стеклянного магазина спокойные, рассудив, что раз это торговое заведение расположено у вокзала, значит, первым делом в него бросаются суматошные приезжие люди.

Метро привезло подруг к ГУМу.

Вера звала идти в секции, где продавали шерстяные вещи и белье, а Нина тянула через переулочек, к грампластинкам. Побывали у грампластинок, потолкались среди досужего люда, походили от одной секции к другой и к третьей, прислушивались к мелодиям – не брать же им Кобзона или Миансарову, – получили удовольствие от ритмов джайва и гоу-гоу, и уж потом Нина за рубль шестьдесят в блестящем супрафоновском конверте приобрела Матушку и Карела Готта. Верины секции оглядывали серьезнее и внимательнее. Вера все думала о матери, прикидывала, что бы практичнее и по ее вкусу купить – шерсти, что ли, на кофту, или саму кофту фабричной вязки, или белье, теплое, но такое, чтобы мать, непривычную к моде, не испугало. Однако же цены были для Вериних средств неподходящие, Вера нервничала, а Нина не понимала, почему на все ее слова Вера отвечает с раздражением.

– Ну ладно, пошли из этого ГУМа, – сказала Вера.

Пошли-то они пошли и все же не удержались и купили по паре клипсов с длинными подвесками, подешевле, и, проходя туннелем под Манежной площадью и Охотным рядом, радовались им, потому что клипсы и впрямь были удачные.

– Что-то мы с тобой один клипсы только и покупаем, – сказала Нина. – Словно уши зря кололи.

Прошлой осенью они ходили в районную поликлинику, хирург проколол им уши. А серьги они так и не носили.

В ЦУМе, душном, стесненном решительной реконструкцией, Нина заволновалась, как борзая, учуявшая за мокрым кустом зайца. И действительно, что-то несли.

Нина бросилась куда-то, исчезла на пять минут, растворилась в бурлящей суете готического магазина и потом вынырнула из-за колонны, из-за снежной бабы – продавщицы плюмбира – и схватила Веру за руку:

– Пошли! Быстрее! Я заняла очередь! Они еще есть!

– Где? Что? – не поняла Вера, но вопросы она задавала зряшные, по инерции, а сама уже бежала за Ниной, волнуясь, как и подруга.

Нина притащила ее почему-то к фотоотделу, обрадовала женщин, стоявших в очереди: «А вот и мы!» Давали сумки, черные и коричневые, прямоугольные, с карманом, на длинном узком ремне, с двумя блестящими металлическими замками, кожаные, немецкие. Ах, какие это были сумки! Нина вытащила из своей несчастной, обреченной сумочки деньги и пересчитала их, хотя надо было еще выписать чек, а уж потом идти в кассу.

– Хватит, – сказала она и обернулась к Вере.

И, увидев Веру, она расстроилась и спросила испуганно:

– Ты тоже, что ль, хочешь такую?

– Ну а что же! – сказала Вера.

– Верк, ну зачем тебе-то! Это ведь не твой стиль...

– Ты так думаешь? – засомневалась Вера.

– Конечно! Ты прости, но смешно будет смотреть на тебя с такой сумкой. У тебя сила в другом. Я тебе как подруга советую. Ты же что-то другое хотела купить.

– Ты права, – сказала Вера.

Продавец, светловолосый парень лет девятнадцати, каждый новый чек выписывал морщась и покачивая раздосадованно головой. У него хватало терпения разьяснять покупатель-

ницам, что сумки эти не какие-нибудь, а специальные, кофры, для фоторепортеров и фотолюбителей, знающие люди смеяться будут. Он и Нине сказал:

– Хоть вы-то каплю здравого смысла имеете? Или еще купите фотоувеличитель и привяжете к бедру?

Нина поглядела на него снисходительно и с жалостью.

– У меня дядя фоторепортер, – сказала Нина, – я ему в подарок.

– Ну, берите, берите, – махнул рукой продавец. – Я думал, хоть вы с соображением.

На эти слова продавца Нина не ответила: что он о ней думает, ее не волновало, а волновало, какую сумку брать – черную или коричневую. Она уж и ту и другую устраивала и на левом плече, и на правом, крутилась с обеими сумками перед Верой, раздражая очередь и продавца, и следы столкновений больших страстей отражались на Нинином лице. Наконец она сделала выбор, со страдальческим выражением глаз сказала: «Черную», однако на полдороге к кассе она воскликнула: «Ах, что я, дура, наделала!» – побежала к прилавку и зашептала: «Коричневую, будьте добры, коричневую...»

Она и потом изводила Веру своими сомнениями, все корила себя за глупость: «Надо было черную, а теперь не обменяешь, все разберут» – и заглядывала в Верины глаза, выпрашивала у нее слова, которые подтвердили бы правильность ее выбора.

– Брось ты причитать, – сказала наконец Вера, – купила и купила. Этот цвет лучше.

Сомнения были отброшены, яркие перспективы, связанные с сумкой на длинном ремне, открывались перед Ниной.

– Нет, здорово, здорово! – сказала Нина. – А?

– Что «а»? – спросила Вера.

– Как что? Я про сумку. А ты меня не слушаешь, да? Ты расстроилась, что ли? Ты на меня обиделась?

– С чего мне обижаться-то?

– Нет, серьезно, эта сумка тебе не к лицу. У тебя же другой стиль, я правду говорю.

– Ну и хорошо, – сказала Вера, – и кончим о сумке.

Словами этими она призывала подругу к неносильному подвигу, и та, поколебавшись, замолчала, потому что чувствовала Верино раздражение. Нина и сама страдала теперь оттого, что расстроила подругу, но не сосуществовать же в Никольском двум одинаковым сумкам. Вера думала о приобретении подруги с завистью, к тому же ее обидели слова: «Сумка тебе не к лицу», – почему вдруг не к лицу? – но тут она снова вспомнила о матери, о своих сегодняшних намерениях и сказала резко:

– Нужна мне такая сумка! Мне матери что-нибудь купить надо, поняла?

– С чего ты вдруг? Именины, что ли?

– Не именины. Просто так. Просто жалко мне ее стало.

Нина посмотрела на подругу с удивлением, но потом вроде бы все поняла, ни о чем не спросила, а принялись они обсуждать, что Вериной матери купить и в какие магазины зайти, – может, отправиться на ярмарку в Лужники?

– И мне-то, – вздохнула Нина, – зазря бы денег не тратить, а маме...

И тут они богатым, сверкающим боками Столешниковым переулком вышли на улицу Горького.

Как хорошо, как празднично было на Горького, как любила эту улицу Вера, утренние никольские страдания забылись, и жизнь не казалась тоскливой, и если бы вспомнила Вера о своих мыслях на крыльце родного дома, наверное, посмеялась бы сейчас над собой. Но до воспоминаний ли было! Толпа двигалась великолепная, разодетая, уважающая себя, не то что у Курского вокзала или ГУМа. Конечно, и тут спешили, но больше прогуливались. И все были одетые по моде, и отличить нашего от иностранца не было никакой возможности.

– Зимой еще своих заметишь, – сказала Нина, – а летом – нет.

А уж речь на улице звучала такая разная, наверное, и французская, и арабская, и индийская, и испанская, и всякая; впрочем, какая именно – определить Вера не могла, знала только по-английски несколько выражений из учебника пятого класса и песен битлов, но все говорили вокруг удивительно интересно и красиво.

– Смотри-ка, Верка, смотри...

– Чего ты?

– Да не туда... Тихонов! Вон!

Прямо на них шел Тихонов. Вера на секунду остановилась, рот открыла от удивления и восторга, но тут же пошла за подругой, поджав губы.

– Я думала, он красивее, – сказала она, – и ростом выше.

– Ничего, ничего, – прошептала Нина, – все равно красивый.

– И с ним идут какие-то все невзрачные...

– Ну брось ты!

Нина стояла на своем, а Вера пожимала плечами. «Подумаешь!» – ворчала она, а все равно несколько раз оборачивалась, и смотрела в спину Тихонову, и понимала, что вечером в Никольском она будет рассказывать знакомым девчонкам и парням, как попался им навстречу сам Тихонов, понимала и то, что рассказы эти доставят ей удовольствие. И еще она чувствовала себя в этой великолепной разноязычной толпе своей, со всеми равной – и со знаменитым артистом, чьи фотографии вымаливали они в ларьках «Союзпечати», равной и вот с этой заграничной тонконогой дамой в замше – равной, а может, еще и повальяжнее ее. «Смотри-ка, – толкнула ее в бок Нина, – какой фасон!» И правда, плыло перед ними пятнистое короткое платье, ловко так приталенное и расклешенное внизу необыкновенным способом. Нина вся напряглась, нервно извлекла из сумки блокнот и карандаш, на ходу принялась зарисовывать фасон, норовила женщину в удивительном платье обойти, взглянуть на нее сбоку и спереди, а Вера не спешила, шла с достоинством я думала: «Ну и что, и впрямь хорошее платье, ну и что, и мы такое сшить можем, и даже еще лучше. Да и сейчас мы никого не хуже. Вон и на нас смотрят...» Кое-какие мужчины и парни и в самом деле обращали внимание на них с Ниной, и от этого прогулка по улице Горького Вере все больше нравилась, и было ей хорошо и празднично.

– Все, – сказала Нина, – завтра же начну кроить. У меня приличный материал. Только посветлее этого.

– С цветами, что ли?

– Ну да, с такими размытыми... Пошли в туннель... Заскочим в рыбный? Я уж проголодалась.

В переходе она все поглядывала в блокнот и шептала что-то – может, прикидывала, хватит ей отреза или нет. Рыбный магазин, самый знаменитый в столице и самый богатый, с довоенным аквариумом в витрине и с декоративными горками консервных банок, вытеснившими осетров из папье-маше, встретил их запахом селедки и шумом очередей. В последнем зале очереди были за рижской салакой горячего копчения.

– Ну, повезло! Скажи? – обрадовалась Вера.

– Ты – в кассу, а я – к прилавку, – сообразила Нина, – и поесть возьмем, и домой. Как чек выбьешь, в Филипповскую сходи, будь доброй, булку возьми посвежее, страсть как голодно.

Всегда она подчинялась Вере, а в очередях была решительнее и предприимчивее подруги.

Копчушкой и филипповскими булками наслаждались во дворе за магазином рыбы.

– Мое железное правило, – говорила Нина, отрывая салаке голову, – сколько б денег ни было, а на хорошую рыбу не жалеть. А уж если севрюга попадется, или семга, или лосось – ничего жалеть не буду...

Дальше они жевали молча, ели много и жадно, и хотя прошел момент первого удовлетворения пищей, все равно какой, а тут – копченой салакой, удовлетворения судорожного и

блаженного, хотя сытость и принесла, как всегда, разочарование, настроение у Веры не ухудшилось и сонное благодущие не размягчило ее.

– Хорошо, – протянула Вера.

– Хорошо, – поддержала ее Нина. – И я тут должна жить... Может, в этом самом доме... Нет, не в этом. У Покровских ворот.

Следом могли пойти всегдашние Нинины сетования о несправедливом со стороны судьбы поселении ее, Нины, в пригородном поселке Никольском. Вера пропустила бы ее слова мимо ушей по привычке, но Нина на этот раз промолчала. После гражданской Нинин дед, чей род, по семейным преданиям, не один век на плечах держал Москву, в голодный год вместе с Нининой бабушкой бросился искать хлебные деревни. Потом пришел нэп, а дед с бабушкой так и не вернулись в Москву, не смогли или не захотели, осели в Никольском, в сорока верстах от столицы. Покойного деда Нина иногда ругала, работать устроилась ученицей в парикмахерскую у Каланчевки, собиралась в Москве стать дамским мастером и не раз говорила Вере, что замуж выйдет непременно за москвича. А если даже и не выйдет, то все равно переберется в Москву, как – посмотрим. В компаниях парней она тут же выделяла именно москвичей, они сейчас же нравились ей больше других, и дело тут было не в лисьем расчете, просто так получалось само собой, словно бы Нина в людях с городской пропиской открывала родственные души.

– Нет, Верочка, не зря мы с тобой сюда приехали, – заговорила Нина. – Ради одной этой рыбы стоило! Не жалеешь? Ведь хорошо, да?

– Хорошо, – сказала Вера.

Для продолжения сегодняшних удовольствий они заглянули в соседний сладкий магазин, насмотрелись на фантазии кондитеров, а потом двинулись в «Армению», отведали восточных лакомств подешевле, запили благословенную рыбу газированной водой и пошли в Елисеевский. Там они просто потолкались, как в театре или музее, посмотрели на люстры, похожие на салютные грозди ракет, на великолепие сверкающей в огнях лепнины и звенящих зеркал. Дальнейшее их движение по улице Горького было путаным и долгим. Вера с Ниной заходили в магазины, потом возвращались на несколько кварталов назад, в магазин, ими пропущенный, потом опять спускались к Советской площади и ниже, а изучив «Подарки», вспоминали, что они проскочили «Синтетику», и спешили в «Синтетику». Движение их вовсе не было нелогичным, оно подчинялось стихии нынешнего праздничного похода и своей безалаберностью именно и приносило им удовольствие. Выйдя из «Синтетики», Вера с Ниной ринулись в отделанную по последней моде «Березку». Витрины «Березки» были громадны, пугали и притягивали роскошью, пламенем и холодом драгоценных камней, легкой игрой цен, недоступных, а потому и ничего не значащих. В магазине этом подруги ничего не собирались купить, их фантазию не связывали расчеты и реальные возможности, а потому они владели здесь всем и все могли примерить на себе в мыслях. Ах, какие тут были камни, какие браслеты и кулоны, какие ожерелья из янтаря и какие кольца с рубинами на золотых цепочках! «Видала, Нин? А это видала? Блеск!» Словно бы брожение происходило в тесноте сверкающего магазина, и Вера с Ниной вместе с другими кидались от прилавка к прилавку, все замечая, все выщупывая глазами, холодея от восторга, пропуская витрины с расплотившимися часами, небрежно и свысока поглядывая на длинную очередь конченных людей – давали обручальные кольца. Глаза их горели, спорили с дорогими камнями, азарт захватил подруг. Остановиться они теперь уже не могли, все осмотрели в соседних магазинах, а потом втиснулись, ворвались, стекло в дверном проходе чуть не выжав, в актерскую лавку у Пушкинской площади.

Магазин был маленький, забитый, лишь к прилавкам с книгами и текстами пьес можно было подойти без борьбы, а напротив жалась шумная толпа, и теснились в ней охотницы, отчаянные, настырные, азартные, с Верой и Ниной одной породы. Духота томила продавщиц, большие лопухие вентиляторы гоняли по магазину подогретый воздух. Не сразу, с терпением и

упорством, подруги протиснулись вперед. Чего только не лежало перед ними: и цветные поролоновые куклы, и круглые блески в целлофановых пакетах, и тапочки для воздушных ног балерин, и металлические стаканчики с помадой всех оттенков, и баночки, коробочки, тюбики с пудрой, тонами, кремами, лаками, тушью, мастикой для ресниц, и прочие удивительные вещи, любезные душе, видеть которые – одно удовольствие, и уж уйти от них не было никакой мочи. Нина так и стояла, с места не двигаясь, принимая решение, а Вера уже вцепилась глазами в темно-коричневые шкафы, похожие на аптекарские, с медными накладными украшениями, за стеклами которых лежали парики. Парики были один краше другого, для королей и их фрейлин, пышные и прямые, с буклями и башнями-пучками, розовые, рыжие, зеленоватые, золотистые, черные – немыслимые. У Веры в горле пересохло. Она не могла произнести ни слова, а все глядела теперь на тридцатилетнюю женщину, актрису наверное, примеривающую парик. Как прекрасна была женщина! Естественно – из-за парика! Это был из всех париков парик. Лиловый и фиолетовый одновременно, и вместе с тем в нем были явно заметны серый, стальной оттенок и золотистый тоже. Форму он имел необыкновенную, словно бы многоярусную, женщина выглядела в нем благородной дамой из окружения Екатерины. Вера ее сейчас же возненавидела. Она готова была закричать: «Отдайте парик! Вы не имеете на него права! Он – мой!» Женщина осматривала себя в парике деловито, не было в ней трепета и азарта, и это Веру ужасно возмущало, женщина сняла парик и положила его на прилавок. Вера похолодела. «Сколько он стоит?» – спросила женщина. «Восемнадцать». – «Нет, не подойдет...»

– Я возьму, – подалась вперед Вера. – Я сейчас. Чек выбью...

– Подождите, – сказала продавщица. – Вы сначала примерьте. Может, размер не ваш...

«Мой!» – хотела крикнуть Вера, но не крикнула, а произнесла что-то невнятно, протянула руки за париком, пальцы ее дрожали; надевая парик, она понимала, что все смотрят на нее, ждала усмешек, ждала вопроса: «Зачем он вам?», готова была в ответ сказать, что ей в народном театре поручили роль... господи, чью роль, из восемнадцатого века, кажется, но чью? А-а! Все равно парик будет ее, его теперь не отберешь и с милицией, и насмешки не испугают, парик ее – и все тут. Но никто не смеялся, и продавщица ни о чем не спросила, сказала скучно: «Ваш размер. Вам идет», – и Вера, выдохнув воздух, кинулась в расступившейся толпе к кассе, бросила на черную тарелку со вмятиной восемнадцать рублей.

4

– Ну что, пойдем на день рождения? – спросила Вера.

За окном электрички проносились дома и дачи Битцы и на пологих холмах гомеопатические плантации института лекарственных растений.

– Не тянет, – сказала Нина.

– Вечером-то делать нечего.

– Ты же сама утром не хотела.

– Настроение появилось. Пошли?

– Посмотрим, – уклончиво сказала Нина.

Была она вялой, уставшей, на Веру не смотрела, словно обиделась на нее всерьез и надолго. К смене Нининых настроений Вера привыкла, сколько раз уж наблюдала, как бойкая, предприимчивая, озороватая девчонка в минуту становилась нервной и капризной, готовой заплакать, а то и плакавшей на самом деле. «Эва, кровь в ней как бунтует!» – говорили в Никольском. И сейчас Нина нервничала и злилась на что-то. По дороге домой Веру она раздражала – и прежде всего потому, что Вера не могла уяснить причину Нининового преображения.

«Из-за парика, что ли? – думала Вера. – Неужто из-за парика?..»

Возбужденная, счастливая неслась она час назад по улице Горького, удивленная, спешила за ней Нина, смеялась и говорила: «Ты что? Вот выкинула! Зачем тебе парик-то, да еще таких древних времен! Я понимаю – настоящий парик. А то – театральный! Деньги, что ли, девать некуда?» – «Отстань! – отвечала ей Вера, впрочем, не особенно сердито. – Душу не трави. Купила и купила. Захотела и купила». Никаких объяснений она не могла дать Нине и себе тоже, действительно, желание приобрести парик было таким неожиданным и нестерпимым, что в актерском магазине все соображения здравого смысла исчезли из Вериной головы. Но пока, на улице, Вера не жалела о своей покупке. Коричневая сумка висела на тонком ремне, стучала по крепкому Нининому бедру, напоминая Вере, на что стоит тратить деньги, на что не стоит, а Вера все шагала, несла осторожно мягкий пакет и думала: «Дома примерим. Может, и пригодится...»

Но долго вытерпеть душевное томление и Нинины колкости она не смогла, увидев буквы общественного туалета, спустилась по лестнице, казавшейся вечной, заняла кабину и там, спеша, но и бережно, надела парик, нетерпеливыми пальцами нашла в сумке пухлую кожаную пудреницу, взглянула в ее зеркальце и губами причмокнула от удивления: «А что? Ничего!» Фантастическая прекрасная женщина с сединой в лиловых локонах отражалась в овале походного зеркала. Зашумела вода в соседней кабине, но шум ее и вся обстановка примерки не разрушили Вериного вдохновения, она все поворачивала голову, смотрелась в зеркало, позы принимала и радовалась себе: «Ничего, ничего...» Заскреблась в дверь Нина, зашептала: «Вера, что ты так долго?» – «Примериваю...» – «Пусти меня, – взмолилась Нина, – пусти поглядеть». Дернула Вера задвижку, впустила подругу, и та заахала в тесноте кабины: «Как здорово! Какая ты красивая!» – «Нет, правда?» – волнуясь, спрашивала Вера. «Ты просто преобразилась. Как Иван-дурачок в горячем молоке. Зачем мне врать-то!»

То, что она восхищалась ею искренне, Вера поняла позже, на улице, выражение лица у Нины стало растерянным, если не расстроенным, покупку Верину она больше не хвалила и словно бы сникла, лишь однажды сказала с жалостью к самой себе: «Везет тебе, Верка, вон мать тебя какой родила. Новое наденешь – и каждый раз на себя не похожая, а красивая. А я...» Вера попыталась ее переубедить и уверить, что она, Нина, и без всяких париков хороша и ей нечего расстраиваться. После торопливых смотрин в туалете покупка уже не казалась Вере безрассудной, она и не смогла бы приобрести ничего лучшего, – надо же, как к лицу оказался ей парик. Она и в электричке все радовалась про себя своей покупке, а поделиться радостью с

подругой не отваживалась – та сидела мрачная. Районный город сверкнул над узкой и смирной рекой, белой колокольней, и тут Нина сказала:

– А насчет матери-то забыла? Все матери вещь купить хотела...

В иной день Вера обиделась бы и сразу поставила Нину на место, а сейчас была настроена благодушно.

– В следующий раз куплю, – сказала Вера.

Себя она уверила в том, что матери, уж точно, хорошую вещь купит в следующий раз и подороже, накопит денег и купит обязательно, без суеты и со смыслом. Вера не чувствовала никаких угрызений совести: ну мало ли чего она собиралась делать утром, после слез матери, сгоряча, конечно, надо относиться к матери повнимательнее, но глупо было бы упустить такой замечательный парик. Сама судьба привела ее в актерскую лавку и не дала потратить деньги в других магазинах, а от судьбы не убежишь и не отвернешься. Никольской платформы Вера ждала волнуясь, ей не терпелось показать себя в парике на людях. Вера теперь желала появиться в клубе, на танцах, или же у Колокольникова, на дне рождения Лешеньки Турчкова, но одной идти не хотелось.

– Нин, а сумку ты вправду купила завидную, – сказала она на всякий случай, – не то что я...

Словами этими Вера ничего не добилась. Нина промолчала, на сумку, правда, взглянула, но скорее машинально, а взглянув, вздохнула.

Электричка наконец привезла их в Никольское.

– Нин, пойдем на день рождения-то или как? – сказала Вера на автобусной остановке, одергивая платье, и было заискивание в ее голосе. – Ждут ведь. Колокольников-то именно тебя звал...

– Нет, – сказала Нина, – не пойду.

– Может, тогда на танцы? Чего дома-то кукусься? И по телевизору, кроме оперы, ничего нет...

– Не знаю... Если на танцы... Подумаю...

– Пойдем, пойдем, Нинк, на танцы! – обрадовалась Вера. – Я сейчас, мигом, домой, матери покажусь, перекушу – и в клуб... Где встретимся и когда?

– В восемь, на нашем месте, – сказала Нина неожиданно твердо, в лице Нинином, в глазах ее была твердость, будто она что-то задумала.

К дому Вера подходила в некотором смущении. Надо было показаться матери, чтобы не беспокоилась, но лучше бы ее не было дома. Ее и не оказалось дома. Соня хозяйничала, а Надька бегала во дворе.

– Мать где? – спросила Вера.

– Она сегодня в кассе.

Мать работала на крохотной никольской пуговичной фабрике, давила теплую пластмассу прессом, а для поддержания семейного бюджета стирала на соседей побогаче и иногда, в дни кино и танцев, подменяла тетку Сурнину в кассе клуба. Значит, можно будет отметить перед матерью в клубе, а потом и проскочить на танцы без билета.

– Чего ели? – спросила Вера.

– Гороховый суп и котлеты с картошкой, – сказала Соня. – Хочешь?

– Давай.

Обжигаясь, торопясь, Вера все же сказала наставительно, на правах старшей сестры:

– Небось весь день бездельничали, болтались с сестрицей-то? Матери помогали? Козу доили?

– Доили, – сказала Соня мирно, но и вроде бы с иронией к старшей сестре.

Сидела она тихо, пальчиком почесывала черную расцарапанную коленку, платье на ней было выгоревшее, дрянное, латаное, а глядела она на Веру спокойно и устало, светло, по-мате-

рински, схожести выражений лиц их Вера удивилась, и ей стало жалко Соню: такая же она росла терпеливая и безропотная, как мать, неужели ей и судьба уготована материна?

– Суп ничего, – сказала Вера. – Ты, что ли, варила? Хороший суп. В следующий раз только перцу положи побольше. И свиные ножки не помешали бы.

– Откуда ж у нас свиные ножки? – улыбнулась Соня.

– Это я так... фантазии... А для духу стоило хоть кусочек корейки добавить... Давай котлеты... Ничего, вы, Софья Алексеевна, делаете успехи в кулинарии... Я тут вам всем копчушки привезла. Но до матери не трогать, поняла?

Соня кивнула.

Время бежало к восьми, а духота не отпускала. Вера встала, сказав сестре «спасибо», ноги ее побаливали от долгих и везучих московских хождений. Прошла в свою комнату и плотно прикрыла за собой дверь. Показываться Соне в парике она не хотела, не потому, что стеснялась – вдруг будет смеяться, – просто знала: покупку Соня осудит, как мать, и расстроится тихо, про себя. Зеркало снова обрадовало Веру, снова взволновало ее предчувствие успеха на людях, может, даже и со скандалом, ну и пусть, нетерпение снова поселилось в ней. «Скорее, скорее!» – говорила она себе. Платье не следовало бы менять, но Вера уступила желанию увидеть себя и в других нарядах, она ловко надевала перед зеркалом платья, сарафаны и кофточки, приличные и ношенные, и все ей шло, и все приносило удовольствие, и даже опостылевшие вещи были сегодня прощены. Из комнаты своей Вера вышла в красном платье, узком и коротком, чуть не танцуя, парик несла в пакете. Сказала Соне голосом старшей сестры:

– Остаешься за начальство. Ясно?

Соня мыла на террасе посуду, ничего не ответила и ни о чем не спросила, хотя могла о чем-нибудь и спросить, зато в кухне, служившей в будние дни и столовой, уже вертелась семилетняя Надька, наглая, в отца. На ее скачущие вопросы: «А где ты была? А чего ты себе купила? А чего ты мне купила?» – пришлось отвечать решительно и строго. «Палец вынь из рта и щеки вымой в рукомойнике! – сказала наконец Вера. – На кого похожа!» Считалось в Никольском, что Вера и Надька пошли в отца, а Соня – в мать. Надькино смазливое личико, озороватый прищур глаз и даже движения головы на тонкой, петушиной шее и вправду напоминали об отце. «Неужели и я такая? – думала Вера. – Нет, я не такая». Когда она смотрела на Надьку, ей не хотелось быть похожей на отца, ей казалось, что она и впрямь на него не очень похожа, что она и в движениях мягче и ленивее Надьки, и шея у нее не такая петушина, и нет в глазах навашинской бесстыжести.

– Пригляди за этой отравой. И за домом, – сказала Вера Соне, той все же было двенадцать.

Нина уже ждала в привычном месте.

– Опаздываешь, – сказала Нина строго.

– Подумаешь, пять минут.

– Семнадцать минут.

Вера поглядела на нее с удивлением. Стало быть, подруга не отошла? Губы Нина сжала, а взгляд у нее был тяжелый, такой, словно она после колебаний и мучений решила на отчаянный шаг и изменить ее решение нельзя было никакими силами. Вера ожидала увидеть на Нине особенное платье, подобранное специально к купленной нынче сумке, а на плече и самое сумку, но ее не было, и это Веру насторожило.

– Не надумала после танцев пойти к Колокольникову? – спросила Вера на всякий случай.

– Я и на танцы не пойду, – сказала Нина.

– Что так?

– Мне нужно с тобой поговорить.

– Ну поговори...

– Не здесь. Пошли за угол.

– Ну пошли. – Вера пожала плечами.

За углом глухие крашенные заборы четырех хозяев образовали тупик. Вера несла пакет с париком осторожно, он сейчас смущал ее, будто она держала в руке пирожное и боялась смазать крем.

– Здесь, – сказала Нина.

– Здесь так здесь.

– Если ты мне подруга, – сказала Нина, и голос ее был уже не так тверд, как прежде, – если ты мне настоящая подруга, отдай мне Сергея.

– Вот тебе раз...

– Он мне нравится.

– А я с ним живу...

– Кто тебя познакомил с Сергеем? За кем он ухаживал сначала? Ты у меня его отбила!

– Прямо уж и отбила...

– Будь хоть раз в жизни честной!

– Что ты говоришь! – Вера начинала сердиться, поначалу слова Нины не только удивили, но и рассмешили Веру, теперь ей уже было не до шуток, и все же она до конца не могла поверить в серьезность Нининых заявлений, чувство, что подруга разыгрывает ее, не уходило.

– Зачем тебе Сергей? Ну зачем? – сказала Нина, глаза ее были влажные. – Каждый парень на тебя смотрит, а я... Ну хоть пожалей меня, если ты подруга, ну забудь о Сергее!

– Пошла ты знаешь куда! – зло сказала Вера.

Теперь она злилась всерьез, никакого разговора дальше вести не была намерена, хороши шутки, даже если Нина расстроилась умом, терпеть ее слова Вера не хотела и не могла, трудно было вывести ее из себя, редко это кому удавалось, а тут, не стой перед ней подруга, помешавшаяся или в ясном уме, попробуй разбери, не стой перед ней подруга, ударила бы Вера обидчицу по физиономии. Молча Вера повернулась и пошла в клуб, но Нина догнала ее, схватила за руку. «Ах так, ты и разговаривать со мной не хочешь!» – «Не хочу, – сказала Вера и отвела руку, – нечего мне о глупостях разговаривать. Иди пропись!» И пошла решительно, грудь выпятив, но Нина снова ухватила ее руку ниже локтя, говорила что-то, и опять о Сергее, произносила и обидные слова; обернувшись, Вера увидела Нинино лицо жалким и некрасивым, сочувствие к ней возникло на секунду и истлело тут же; для того чтобы утешать подругу или постараться понять ее, у Веры уже не было ни нервов, ни терпения. Она оттолкнула от себя Нину, не сильно, чтоб отстала, но та, пошатнувшись, рванулась к Вере, отчаянная, смелая, словно бы готовая вцепиться ей в волосы. «Ты что!» – растерялась Вера и толкнула Нину сильнее, почти ударила ее, думала, что эта неженка Нина отвяжется наконец, но та бросилась на нее снова, ответила тычком худеньких своих кулаков. Ударила еще раз и еще, кричала что-то. Вера оборонялась правой рукой, левую с пакетом отвела в сторону, но вскоре поняла, что пакет придется бросить на траву. Нина, быстро нагнувшись, стянула с правой ноги туфлю, французскую лакировку с бантом, с туфель в руке она шла теперь на Веру, и Вера тоже, прыгая на одной ноге, сбрасывала носком другой черную, размятую уже туфлю – проверенное в никольских стычках девичье оружие. Грозный Верин вид Нину не остановил, поднятая Верой туфля как будто еще сильнее раззадорила ее, с отчаянием она рвалась к Вере, размахивала туфлей, кричала: «Так тебе! Вот тебе!» – получала сдачи, но боли вроде бы не чувствовала, хромать ей было неловко, она и вторую туфлю скинула, располагая, видимо, сражаться до последнего. Она нападала, теснила Веру к забору, а та отбивалась вполсилы, хотя и была зла на подругу, знала, что, если ударит всерьез, может прибить Нину или покалечить. К тому же Вера имела преимущество – туфли ее давно вышли из моды, Нининым же редким туфлям завидовали и москвички, но сейчас, в бою, тонкие, крепкие каблуки Веры были опаснее тупых и толстых, как ножки белых грибов, Нининых каблуков. «Кончай, хватит!» – кричала Вера. – А то я тебя так сейчас уделаю – век помнить будешь!» Но Нина, казалось, не слышала ее, не унималась, и только когда она крепко задела Веру каблуком по щеке, а Вера, разъярившись, ударила сильно, и Нина, выпустив

туфлю из разжавшихся пальцев, согнувшись, закрыла лицо ладонями и заплакала беззвучно, вздрагивая плечиками, Вера опустила руку, дышала тяжело, глядела на Нину сердито, а Нина повернулась и пошла от нее, так и не отнимая ладоней от лица.

– Эй ты, вояка! – крикнула ей в спину Вера. – Туфли-то забери! Мне трофеев не надо.

Нина вернулась. Вере на миг показалось, что она собирается ей что-то сказать, ей и самой хотелось, чтобы Нина ей что-нибудь сказала, но Нина не произнесла ни слова, когда же нагнулась за туфлями, взглянула на Веру затравленно, словно боялась, что та ударит ее, беззащитную, а подняв лакировки, надевать их не стала, босиком по пыли, по траве побежала пустынным тупиком к людной клубной улице, огородами ей бы уходить с поля боя.

Вера хотела крикнуть ей вслед какие-нибудь слова, но слова она могла найти сейчас только ругательные, обидные, великодушные победительницы остановило ее. «Глупая, ну и глупая! – подумала Вера. – Сама жалеть будет. Придумала черт-те что!» Вера подняла пакет с париком, ощупала его пальцами, не нашла ущерба, и это ее обрадовало, она оттерла листом лопуха отвоевавшую туфлю, надела ее и принялась охорашиваться. Поправила платье, складок и дыр на нем не оказалось, зеркальцем кожаной пудреницы обнаружила ссадину на щеке, ваткой оттерла засохшую кровь, но ссадина была все еще заметной. Вера попыталась забелить пудрой на щеке след Нинино каблука, но как ни растирала пудру, толку было мало. «Ну и черт с ним! – подумала Вера. – Как-нибудь обойдется. А этой Нинке я теперь покажу!»

Под платьем, на плечах и у шеи болело. Наверное, и там были ссадины и синяки. Возвращаться домой Вера не хотела, решила, несмотря ни на что, идти на танцы, только надо было немного отдышаться, отойти, успокоить себя.

И хотя она была возбуждена и нервничала, как нервничает актриса, которой завистники перед началом премьеры за кулисами устроили скандал, нервничала оттого, что стычка с Ниной погасила ее праздничное вдохновение, теперь она была как бы не в форме и своим париком могла, наверное, только рассмешить людей, все же, несмотря на эти свои переживания, она думала сейчас не о том, как появиться ей в клубе и как потом вести себя на людях, – все резче и резче думала она о Нине и о ее странной выходке. Двадцать минут назад слова о Сергее Веру просто обожгли, но теперь она хотела понять: были ли эти слова выдумкой, разрядившей Нинино дурное настроение, или же ее бывшая подруга выложила правду, которую она скрывала от нее, Веры, а может быть, и от самой себя? Неужели Нина любит Сергея («Он ведь и не москвич», – мелькнуло секундное соображение), неужели все эти последние четыре месяца с тех пор, как Вера познакомилась с Сергеем («Ну да, с помощью Нины, это с ней он приехал из Щербинки, ну и что из этого?»), неужели все эти четыре месяца Нина так умело скрывала свои чувства, что ни у Веры, ни у Сергея не возникло никаких подозрений, никаких интуитивных сигналов, а ведь, несмотря на их жаркую любовь, они с Сергеем обостренно и даже болезненно относились ко всем движениям и словам окружающих их людей. Неужели Нина любит Сергея и четыре месяца назад любила его? Выходит, что она, Вера, и в самом деле отбила Сергея у подруги? Впрочем, Нина по взбалмошности могла сочинить сегодняшние слова и уверить себя в их правде, чтобы смягчить страдания, вызванные бог знает какой чепухой.

То ли, это ли было причиной нынешнего взрыва или истерической вспышки – неважно. Вера теперь была сердита на Нину крепче, чем в драке, и говорила себе, что Нину не простит, ни за что не простит, руки ей не подаст. Все теперь. Еще вчера Вера любила Нину, и утром она была ей как сестра, сейчас же Вера вспоминала Ниныны глаза во время стычки, и они казались ей ненавидящими, вражескими. И все прежние свои отношения с Ниной Вера теперь просматривала заново, выискивая все ранее скрытое в них, высвечивая это скрытое рентгеновскими лучами собственной обиды и раздражения. Да, их в Никольском считали неразлучными, а вон как все обернулось. Теперь Нина представлялась Вере человеком дурным, противным, все, что было между ними хорошего, забылось или же казалось ложью, свойства Нинино характера, на которые прежде Вера не обращала внимания, приобретали совсем иной смысл, распухали,

возводились в высшую степень. «Ах ты гадина, ах ты стерва!» – разъярялась Вера и уж конечно вспоминала с моментальными прояснениями и догадками все, что касалось отношения Нины к Сергею: и то, как она на него глядела, и как о нем говорила, и что выпрашивала. В прежних Нининых действиях и словах Вера усматривала сейчас вред для себя, Нинину корысть и хитрый маневр, только слепая дура ничего не могла вовремя заметить! И сегодня, конечно, Нина вокруг пальца обвела ее со злополучной сумкой, да еще и поиздевалась, наверное, в душе, язык свой ехидный высунула, личико у нее в ЦУМе было, несомненно, лисье. Это соображение еще горше расстроило Веру, ей вдруг явились мысли о Сергее, вдруг и он от нее скрывает что-то, – тоскливо стало Вере, тоскливо и страшно, глаза ее повлажнели, руки повисли, почувствовала она, что в рассуждениях своих может зайти далеко и лучше отправиться в клуб.

И когда она пошла в клуб, горечь словно бы разбавилась целебной медовой настойкой. Она уже думала, как хорошо ей будет на людях, а пройдя метров сто, уверила себя в том, что Сергей и знать ничего не знает о Нининых симпатиях, приедет через два или три дня, все объяснит, посмеется над Ниниными претензиями и отгонит злые сомнения.

Мать сидела в комнате кассира.

– Ну вот и я, – сказала Вера. – Дома скучно стало, я решила сходить на танцы. Сонька там хозяйничает.

Встала она к окошечку кассы боком на всякий случай, чтобы не углядела мать ссадину на левой щеке. Хотела было придумать причину, по которой не купила матери в Москве обещанную обнову, но ничего путного не придумала. «Завтра ей чего-нибудь наговорю», – решила Вера.

– Потанцуй, – сказала мать миролюбиво и устало. – Недолго гуляй-то. Завтра тебе с утра. Я скоро домой пойду. Съездили-то хорошо?

– Ничего... С Нинкой мы, правда, чего-то поругались. Мы теперь не подруги больше.

– Как же так? – забеспокоилась мать.

– Да так, – сказала Вера. – Ну ладно, давай билет, музыку хорошую завели.

– Ненадолго, слышишь? И с Ниной ты...

– Ну, привет. Я, может, еще к Колокольникову на день рождения забегу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.